

values. Results of the survey demonstrate existence and importance of identities, which concern using internet, different social networks, blogging services, forums and internet communities, internet media and so on.

Key words: internet communities, social networks, identity.

Стаття надійшла до редакції 03. 06. 2013 р.

Прийнято до друку 01. 11. 2013 р.

протоколом № 3

Рецензент – к. соц. н., доцент Хобта С. В.

УДК 930.1

А. М. Ерёмєнко

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современных социальных науках наблюдается определённый плюрализм в понимании того, что есть нация. По-разному трактуются вопросы относительно факторов становления наций, времени их возникновения и перспектив дальнейшего существования, сущностных структурообразующих признаков нации, соотношения понятий «этнос», «народ», «нация» и т.п.

Современный английский исследователь Энтони Д. Смит выделяет пять факторов, наличие которых признаётся существенным для обеспечения национальной идентичности как в западной, так и в восточной модели: 1) историческая территория, или родной край; 2) общие мифы и историческая память; 3) общая массовая, гражданская культура; 4) единые юридические права и обязанности для всех членов; 5) общая экономика с возможностью передвигаться в границах национальной территории [1, с. 23].

Мы хотим обратить внимание на фактор становления национальной идентичности, который, по-нашему мнению, недооценён и Э. Смитом, и другими исследователями. Между тем он является чрезвычайно важным. Этим фактором выступает *совместная историческая событийность*.

Мы предложили следующее определение понятия «историческое событие»: историческое событие есть изменение существующих социальных условий, являющееся результатом действий, совершаемых индивидом или социальной группой, и обладающее относительной самостоятельностью, целостностью и значимостью для хода исторического процесса. Под «условиями» мы понимаем примерно то, что в современной социальной философии и теоретической социологии называют «структурами». Здесь у нас нет возможности углубляться в

анализ критериев события. Интересующихся отсылаем к нашим работам [2; 3].

В своей работе Э. Смит нигде прямо не подчёркивает важность совместного событийствования. Но косвенно он признаёт его весомость. В частности, большое значение в процессе формирования наций Смит придаёт сплочённым и обладающим высоким уровнем самосознания этническим группам – этническим ядрам. Именно этническое ядро объединяет различные этнические группы в единую нацию и формирует национальное государство [1, с. 48]. Но что представляет собой, так сказать, микрофактура этого объединения и формирования? Событийствование.

Именно историческая событийность задаёт историческую память. Почему нет общих для восточных и западных украинцев преданий, легенд и мифов? Да потому что нет общих для них исторических событий, в которых они участвовали бы на одной стороне, участвовали бы и душой, и телом, и всею судьбою своею. *По-настоящему запоминается не идеологически навязываемое, а событийно пережитое.*

Для большинства населения восточной Украины вмешательство Романа Мстиславича в польские дела или контакты Даниила Романовича с римской курией – почти такая же экзотика, как покаяние в Каноссе или пощёчина в Ананьи. Скажем, битва под Ярославом не актуализирована в их исторической памяти, а битва на Чудском озере актуализирована. Многие восточнукраинцы согласятся с тем, что победа Александра Невского над Тевтонским орденом есть часть их истории, но весьма немногие согласятся признать то же самое относительно победы Даниила над Ростиславом. Их герой Пётр I, а не Мазепа. Полтавская баталия для них – славная победа «наших» над захватчиком Карлом и предателем Мазепой. С другой стороны, *что* для западного украинца восстание Булавина, поход «группы войск Ворошилова» на Царицын или «Молодая гвардия»? События чужой истории?

Особенно большое значение для становления и укрепления чувства идентичности нации имеют так называемые *архетипические события*. Учение об архетипических событиях развито нами в указанных работах [2; 3].

В архаичных обществах архетипическим образцом были мифические события, имевшие космогонический смысл. Эти события совершались в вечности, они были постоянны, неизменны. Считалось, что благодаря их репродуцированию в ритуале община и само Мироздание продолжают существовать как целое. С переходом к истории место таких организующих универсум социальной общности архетипов занимают грандиозные реальные события. (См. об этом, напр. М. Элиаде [4], [5]).

Следует признать, что архетип, в понимании К. Г. Юнга сам по себе не событиен, хотя и служит основанием событийности. Согласно

Юнгу, архетипы – это пресуществующие формы» коллективного бессознательного, “которые вездесущи и распространены повсюду” [6, с. 84–85]. Насколько нам известно, Юнг не дает четкого определения понятия архетипа. Более того, создается впечатление, что он колеблется между содержательной и формальной трактовкой архетипа. Так, с одной стороны, К. Г. Юнг называет архетипы не только «древнейшими», «изначальными» типами, «испокон веков наличными всеобщими образами», но и «содержаниями коллективного бессознательного» [7, с. 98]. С другой стороны, он настаивает на формальном характере архетипов, определяя их как “формы без содержания” и полагая, что содержательными они становятся лишь переходя из бессознательного в область “сознательного опыта” [8, с. 127–128].

Архетипы, анализируемые Юнгом (Анима, Анимус, Мудрый Старец и т. п.) сами по себе не событийны. Мы же, вводя понятие архетипического события, осмысливаем архетип как нечто событийное в своих истоках. Некое первоначальное событие, оказывая вследствие каких-либо причин чрезвычайно сильное воздействие на коллективное бессознательное, фиксируется в нем в виде устойчивой формы. В этом смысле событие первично, архетип вторичен. Но затем эта форма начинает организовывать как разнообразные мифы, коллективные образы и представления, культурные символы, фигуры творческой фантазии, так и вытекающие из этих форм коллективной психики всевозможные действия, поступки, интенции, событийные усилия и собственно события, составляющие, так сказать, «внешнюю» историю социальной группы. Взятая в целом, история данной группы оказывается многократным взаимопереходом внутреннего во внешнее и многократной взаимодетерминацией архетипического и событийного.

Всякий архетип, ныне проявляющийся в виде культурной нормы, образца, ценности, символа, – в конечном счете, есть результат угасания события в условии. На заре истории того или иного этноса происходят некие прасобытия, оставляющие глубокий след в коллективном бессознательном. Эти прасобытия определяют последующую историю этноса как воспоминание и как программа деятельности. Необходимо пояснить, что архетипические события не обязательно должны быть в действительности грандиозными – они должны обязательно восприниматься этническим сознанием как грандиозные. Более того: события, обретшие архетипический статус, могут быть легендарными или мифологизированными. Обычно всякое архетипическое событие в той или иной степени мифологизируется. Итак, архетипическое событие есть реальное или легендарное событие, лежащее в истоках истории этноса и программирующее в качестве некой задачи, образца, нормы поведения его последующую историю. Например, архетипическим событием древнегреческой цивилизации, скорее всего, следует считать Троянскую войну. Причём это не та незначительная военная кампания,

которая происходила в реальной истории, а та, которая изложена в поэмах Гомера.

Предлагаемая нами концепция архетипических программ имеет некоторое сходство с интерпретацией истории М. Мюллером. Он пишет: «Итак, первое определение “истории” можно было бы сформулировать таким образом: это та взаимосвязь действий, в которой какая-то группа людей пытается реализовать в многообразии целенаправленных акций единый, тождественный смысл ... Историей мы называем такую взаимосвязь действий, которая ведет к возникновению созданного мира, соответствующего ограниченной во времени группе людей. Причем, обоюдное соответствие, их идентичность преобразует «индивидов» в «личности», а группу – в сообщество «личностей» Обоюдная идентификация, если она удастся, то есть достигается во времени, является результатом и одновременно смыслом истории этой группы» [9, с. 278–279].

Архетипическая программа есть передача энергии архетипического события актантам в настоящем. Также архетипическая программа есть цель или задача деятельности этноса, задаваемая архетипическим событием и побуждающая этнос совершать определенные действия. Эта цель может быть в разной степени осознаваемой, но никогда не бывает полностью осознанной. Она всегда в той или иной степени иррациональна. Она есть то, что определяет непонятную для других этносов и зачастую не вполне понятную для самого данного этноса логику его поведения, его культуры.

Процесс реализации сценарной программы продуцирует различные сценарные комплексы и компенсации в истории этносов. Возможны разные типы сценарного развития, – начиная от полного успеха воплощения архетипической задачи и заканчивая полным крахом усилий по воплощению программы. Следствием особенностей архетипических и других важных событий оказывается преобладание оптимистических или пессимистических, мажорных или минорных мотивов, определяющих общую тональность ментальности и культуры того или иного этноса. Некоторые события имеют характер психотравм. (О событиях как травме см. работы П. Штомпки [10, с. 6–16; 11, с. 3–12]).

Воспоминания о таких событиях играют важную движущую роль в истории этноса, побуждая его к определенным действиям, направленным на преодоление смысла этих событий. Таким образом, можно говорить о своеобразных культурно-исторических комплексах цивилизаций. Так, А. Тойнби отмечает, что арабский натиск на Запад производит впечатление осуществления задачи, оказавшейся непосильной для зороастрийцев, евреев, несториан и монофизитов. [12, с. 162]. Также социальная структура и границы халифата Аббасидов удивительно напоминали социальную структуру и границы империи Ахеменидов, что, по мнению английского историка, свидетельствует о попытке Аббасидов возродить политическую структуру Ахеменидской

империи [12, с. 50]. Настойчивость подобных устремлений Востока на Запад, по Тойнби, объясняется успешным натиском эллинской цивилизации на Восток во времена Александра, глубоко травмировавшем менталитет сирийской цивилизации.

В воплощении архетипической программы можно выделить комплексы и компенсации, а также порождающие и порожденные сценарии. Те или иные исторические процессы могут мыслиться как инверсии (сублимации) травмирующих психологию этноса событий. Причем, при невозможности компенсировать травму в той же самой сфере, где она нанесена, происходит перенос энергии в другую сферу, где и осуществляется компенсация. Так энергия переносится из военно-политической сферы – в экономическую, религиозную, культурную и т. д., – возможно множество вариантов.

В истории практически каждого этноса есть события, требующие своеобразной исторической психотерапии. Интересно также, что одни события запоминаются этносом более-менее адекватно, другие – в искаженном виде, третьи забываются. Причем, нельзя утверждать, что запоминаются наиболее важные события, а забываются наименее важные: иногда происходит с точностью до наоборот. Диалектику исторической памяти и исторического забвения показывает Ж. Коттье, отмечая выборочность исторической памяти, а также ее важность для осознания национальной идентичности. “Происходит отталкивание некоторых фактов, потому что они либо невыносимы для исторического сознания, либо чересчур оскорбительны, либо свидетельствуют о вине, но то, что отвергается, в конце концов, возвращается обычно резко и грубо. Принять свое прошлое, но так, чтобы оно не парализовало, – это трудная, но необходимая задача исторического сознания” [13, с. 31].

В данном аспекте теория архетипических событий может быть сопоставлена с некоторыми положениями психоанализа, а также с соответствующими положениями истолкования истории П. Рикёром и Ц. Тодоровым.

В работе «Память, история, забвение» П. Рикёр показывает, что на уровне коллективной памяти манипуляции и стратегии забывания приобретают более впечатляющие размеры, чем на уровне индивидуальной. К формам такой манипуляции можно отнести воспоминания-экраны, неловкие действия, избирательность рассказов об историческом прошлом, проявляющуюся в умолчаниях, смещении акцентов, рефигурации участников действия [14, с. 618–619].

Подобное поведение, по мнению Рикёра, является симптомом «коллективного травматизма», «раненой коллективной памяти». Эта травматичность находит выражение в «великих траурных церемониях», которые призваны сплотить тот или иной народ [14, с. 116]. Французский мыслитель предлагает относиться к «основополагающим событиям» с чрезвычайной сдержанностью и осторожностью: «То, что мы превозносим как «основополагающие события», по существу

является актами насилия, задним числом узаконенными хрупким правовым положением. Что создаёт славу одним, для других – поругание. Что для одной стороны является торжеством, для другой – проклятием. Именно таким путём в архивах коллективной памяти накапливаются символические раны, требующие исцеления» [14, с. 117].

По мнению Рикёра, основополагающие события формируют у народов определённую «избыточность памяти», которая перекликается с проанализированным Фрейдом влечением к повторению [14, с. 117].

Мы находим здесь аналогию с нашими размышлениями об архетипических событиях. Следует пояснить, что, подобно тому, как архетипическому событию не обязательно быть грандиозным, так же ему не обязательно быть удачным. Удачное событие продуцирует стремление повторять его, воспроизводить его вновь и вновь. Неудачное, травматическое событие продуцирует либо стремление забыть его, сделать вид, что ничего не происходило, либо стремление «превзойти», «перечеркнуть» его контрсобытиями. Для архетипического события существен не столько коэффициент удачи или неудачи, сколько сама по себе сила воздействия на коллективную психику.

По мнению П. Рикёра, «изначальность» исторического насилия связана со сложностью и неоднозначностью отношений всякой социальной общности к «другому». «В самом деле, другой именно потому, что он другой, может восприниматься как опасность для собственной идентичности – для идентичности «мы» и для идентичности «я» [14, с. 120].

Эта неоднозначность фундаментального для истории отношения «мы»-«другие» приводит Ц. Тодорова к более радикальным формулировкам при оценке негативных последствий «чрезмерной» памяти. В работе «Злоупотребления памятью» [15] он обрушивает филиппики в адрес современных ритуалов и мифов, связанных с основополагающими событиями. Его тревожит увлечение поминаниями, «безоговорочное восхваление» исторической памяти, культивирование жертвенности и подобные феномены мнемонических «злоупотреблений», которые выходят за рамки тоталитарных режимов и оказываются уделом всякого жаждущего славы честолюбца.

Наша позиция в данном вопросе является гораздо более умеренной и более «приемлющей историю» не только по отношению к дискурсу Ц. Тодорова, но и по отношению к дискурсу П. Рикёра. Мы разделяем беспокойство по поводу различных форм манипуляции исторической памятью. Но эти манипуляции отнюдь не нивелируют ценность исторической памяти как таковой. Кстати, П. Рикёр признаёт, что наряду с «неправильной» может быть «правильная» историческая память, и работа по её восстановлению является не только научным, но и гражданским долгом историка. Французский мыслитель восстаёт против «официальной», «восславленной» истории, которая подкрепляется «навязанной», «принудительной» памятью. Он полагает, что

«принудительное запоминание... действует в интересах вспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности. Следовательно, замкнутость рассказа ставится на службу идентифицирующей замкнутости сообщества» [14, с. 125].

С этим мнением можно согласиться. Но нельзя ведь в принципе отрицать необходимость идентичности. А «вспоминание событий общей истории» – один из наиболее эффективных механизмов формирования идентичности. Если такое вспоминание не навязывается, а события изображаются и оцениваются достаточно многомерно и объективно, то против такого способа поддержания идентичности трудно возразить.

Иногда создается впечатление, что те или иные события играют в истории этносов катарсисную роль. Таким катарсисом для эллинов было восседание Александра на троне Ахеменидов. В римской истории будто всякий раз наступал катарсис после жертвенного убийства мятежного вождя: Тиберия и Гая Гракха, Сатурнина и Главции. Особенно грандиозный катарсис вызывает убийство Цезаря. В дальнейшем убийства императоров повторяются с регулярностью жертвенных актов. Необходимо пояснить, что исторический катарсис не тождествен ни эстетическому катарсису как таковому, ни, тем более, его этическому аспекту. Исторический катарсис есть, прежде всего, сбрасывание напряжения, нагнетающегося травмирующими событиями. Хотелось бы отметить, что концепция событийного катарсиса плодотворно развивается в работах И. М. Карпенко [16; 17].

Мы решили завершить наш текст некоторым предостережением. Несомненно, злоупотребления исторической памятью, о которых говорят Ц. Тодоров и П. Рикёр, часто встречались в прошлом и встречаются в настоящем. В наше время впечатляющие достижения научно-технического прогресса предоставляют манипуляторам невиданные ранее возможности. Но не следует возлагать вину за масштаб манипуляций сознанием только на прогресс. Питательной почвой для таких манипуляций служит не менее впечатляющее невежество наших современников, их пренебрежение историей и презрение к истории. Такое впечатление, что многие представители современного научного сообщества (к сожалению, не могу назвать их учёными) настолько привыкли мыслить в парадигме «чего изволите», что готовы переписывать историю в стиле низкопробного лубочного китча. Я имею в виду цикл статей В. Бебика в газете «Голос Украины» (между прочим, тираж 100000 экз.) о великих достижениях «скифо-эллинской античной Украины». [18; 19]. Из «откровений» профессора мы узнаём, что и Платон, и Аристотель, и Александр Македонский, в общем, скопом все великие эллины были на самом деле скифами, то есть, якобы, прямыми предками современных украинцев.

Такое впечатление, что украинская власть, услышав что-то о необходимости великой национальной идеи, лихорадочно ищет эту самую идею. А псевдоучёные, подрядившиеся разработать

национальную идею, действуют по принципу: «не найдём, так сочиним, чем нелепее, тем лучше». Если не могут найти по-настоящему великой культурно-исторической традиции, начинают присваивать её, воруя у других народов.

К счастью, не всё можно украсть в этом мире. История не до такой степени поддается манипуляциям, как полагают псевдоучёные. Рецепт созидания национальной идеи прост до элементарности. Он может быть выражен формулой: «Давайте делать великие дела». Сказать это просто, осуществить – чрезвычайно сложно. Гораздо проще попытаться украсть чужую историю. Но действуя таким образом, мы получим лишь подделку, а действуя указанным нами способом – чистое золото событийности.

Список использованной литературы

- 1. Сміт Ентоні Д.** Національна ідентичність. – К. : Основи, 1994. – 224 с.
- 2. Єременко О. М.** Исторична подія у контексті європейської традиції (соціально-філософський аналіз). Автореферат дисертації ... докт. філос. наук. – Дніпропетровськ, 2010. – 35 с.
- 3. Ерёмєнко А. М.** История как событийность: в 2-х т. – Луганск : РИО ЛАВД, 2005. – Т. 1 – 544 с. Т. 2. – 496 с.
- 4. Элиаде М.** Космос и история: избр. работы: пер. с фр. и англ. / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1987. – 311 с.
- 5. Элиаде М.** Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Грабовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
- 6. Юнг К. Г.** Понятие коллективного бессознательного // Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. – М. : АСТ Олимп, 1998. – 477 с. – (Классики зарубежной психологии). – С. 84 – 98.
- 7. Юнг К. Г.** Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ : пер. К. Г. Юнг; предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с. – С. 95–128.
- 8. Юнг К. Г.** Психологические аспекты архетипа матери // Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. – М. : АСТ Олимп, 1998. – 477 с. – (Классики зарубежной психологии). – С. 122-161.
- 9. Мюллер М.** Смысловые толкования истории / М. Мюллер // Философия истории : антология : учеб. пособие для студ. гуманитар. вузов / сост., ред., вступ. ст. / Ю. А. Кимелев. – М. : Аспект-пресс, 1995. – С. 274–282.
- 10. Штомпка П.** Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
- 11. Штомпка П.** Социальное изменение как травма (статья первая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
- 12. Тойнби А. Дж.** Постигание истории: сб. : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби; сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковского. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
- 13. Коттье Ж.** Эти ценности создали Европу / Ж. Коттье // Европейский альманах: История. Традиции. Культура: – М., 1991.
- 14. Рикёр П.** Память, история, забвение / П. Рикёр ; пер. с фр. : И. И. Блауберг и др.] – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – (Французская философия XX века). – 725 с.
- 15. Todorov Tz.** Les

Abus de la memoire / Tz. Todorov. – Paris, Arlea, 1995. – 61 p.
16. Карпенко И. М. Духовный катарсис личности в современном педагогическом образовании / И. М. Карпенко // Педагогическое образование: вызовы XXI века. В 2-х ч. Ч. II. – М., 2010. – С. 613–619.
17. Карпенко И. М. Теоретические основы катарсического воспитания духовной культуры личности / И. М. Карпенко // Духовність особистості: методологія, теорія і практика: Збірник наукових праць. – Вип. 1 (42). – Луганськ, 2011. – С. 45–58. **18. Бебик В.** Античная философия Украины: Великий скиф Аристокл (Платон) // Голос Украины. – № 56 (5556). – 23.03. 2013. – С. 18. **19. Бебик В.** Античная философия Украины: Великий скиф Аристотель, основатель политологии // Голос Украины. – № 96 (5596). – 25.05. 2013. – С. 22.

Єременко О. М. Історична подієвість як фактор національної ідентичності

В статті показано, що важливим фактором становлення і консолідації нації є історична подієвість. Історична подієвість задає історичну пам'ять. По-справжньому запам'ятовується не те, що нав'язує ідеологія, а пережита подія. Участь в історичних подіях згуртовує людей. Пам'ять про ці події задає національній спільноті смислові орієнтири. Особливу значущість мають так звані архетипові події, які формують для даної спільноти свого роду програму соціально значущих дій на майбутнє. В розумінні архетипової поведінки архетип осмислюється як дещо подієве у своїх витоках.

Показано, що одні події приховують у собі травматичний потенціал; інші мають своєрідні катарсичні функції, здійснюючи в національній свідомості скидання напруги, яка нагнітається травматичними подіями.

Проаналізовано парадокси історичної пам'яті, а також форми маніпуляції історичною свідомістю.

Ключові слова: національна ідентичність, історична подія, спільна подієвість, архетип, історична пам'ять.

Єрєменко А. М. Историческая событийность как фактор национальной идентичности

В статье показано, что важным фактором становления и консолидации нации является историческая событийность. Историческая событийность задаёт историческую память. По-настоящему запоминается не идеологически навязываемое, а событийно пережитое. Участие в исторических событиях сплачивает людей. Память об этих событиях задаёт национальной общности смысловые ориентиры. Особую значимость имеют так называемые архетипические события, которые формируют для данной общности своего рода программу социально значимых действий на будущее. В понятии архетипического события архетип осмысливается как нечто событийное в своих истоках.

Показано, что одни события скрывают в себе травматический потенциал; другие несут своеобразные катарсические функции, осуществляя в национальном сознании сбрасывание напряжения, нагнетающегося травматическими событиями.

Проанализированы парадоксы исторической памяти, а также формы манипуляции историческим сознанием.

Ключевые слова: национальная идентичность, историческое событие, совместная событийность, архетип, историческая память.

Eremenko A. M. Historical event-trigger as factor of national identity

It is pointed out that an important factor of the nation's formation and consolidation is a historical event-trigger. An idea is conducted, that microfacturu of ethnic kernel which unites different ethnic groups in single nation and forms the national state, eventing presents.

Historical event-trigger creates historical memory. Not ideologically imposed, but truly experienced, is really memorized. Involvement into historical events unites people.

Memories about such events gives notional guiding lines. Archetypical events are of the most importance, as form a program of socially meaningful actions for the future for the given community. Archetype is considered as something event-trigger in its source. A certain primary event, rendering because of some reasons the extraordinarily strong affecting collective unconscious is fixed in him as a steady form. Then this form begins to organize both various collective appearances and presentations and beginnings from these forms of collective psyche various actions, acts, actually events, constituents, so to say, "external" history of task force.

It is shown that some events keep traumatic potential; other bring, so-called, catharsis functions, releasing national consciousness from strain, which is delivered by traumatic events.

There are analyzed paradoxes of historical memory, and types of historic consciousness manipulation in this article.

Key words: national identity, historical event, archetype, historical memory.

Стаття надійшла до редакції 28. 06. 2013 р.

Прийнято до друку 01. 11. 2013 р.

протоколом № 3

Рецензент – д. соц. н., професор Кононов І. Ф.